

Как-то, будучи в Москве, я купил экземпляров двадцать этой злополучной книжки и раздарил их друзьям и знакомым. Потом мне говорили: «Великий палеонтолог Меннер ходит по коридору, зажимает людей в угол и зачитывает их стихами: «Откуда это чудо? Кто такой этот Алексей Решетов? Не думаю, что кого-то можно сейчас поставить с ним рядом». Академик был ценителем поэзии высокого класса, выстраивал ряд Есенин, Соколов, Окуджава. Решетов, Рубцов. Их строки аукаются. Но лириков чистой воды двое — Решетов и Рубцов.

Решетов:

*Золотую девицу ресницу
Я нашёл между книжных страниц...
Я смеялся и ведать не ведал,
Что вот-вот, точно сказочный змей,
Никого не жалеющий ветер
Прилетит за подругой моей.*

БРОДЯГА ПЫТАЕТСЯ ОБУСТРОИТЬ НЕ ЖИЗНЬ СВОЮ, А СМЕРТЬ — ПРЕДСТОЯЩЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В НЕБЕСА

Соколов отвечает:

*И чья-то настольная книга
Должна трепетать на столе,
Как будто в предчувствии мига,
Что всё это канет во мгле.
Но Решетов, мне кажется, единственный человек, от слов которого так трепещут наши бедные сердца.*

Восемь строчек, четыре строки...
Скоро снеги седенькие лягут,
Волки пьют вино из волчьих ягод,
И стоят осинки на ветру,

Красные,

Как гибель на миру.

Слово «красные» стоит отдельно, подобно осинкам.

Слова его будто светятся.

И я сцеплюсь слёзы

С ея ланит, с дрожащих век.

Александру Грину хватило трёх строк:

Утро всегда обещает...

После долготерпения дня

Вечер грустит и прощает...

И вправду, четвёртая строка — зачем? Алексей несколько раз говорил, что когда-нибудь будет писать стихи в одну строку.

Сколько у Лёши стихов о маме, о бабушке! Володя Михайлюк рассказывал:

«Однажды он поднял меня ночью:
— Я написал стихи о маме.
— Хорошо.
— Уж сколько зим — не знаю сам —
Скребётся выюга по окошку.
А ты всё бродишь по лесам,
Сбираешь ягоду морошку.
Понимаешь, я её похоронил в стихах.
Что делать?
Мама спала за стенкой.
— Утром спросишь у мамы — если разрешит...
Он не выдержал — разбудил маму.
— Сказала: молодец! Меня, говорит, не будет, а стихи останутся».

***

Он угадал время своего ухода:
Жду осени...
Я осень читаю, как повесть...
Я с природы осенней

Птицы — вот его защита:
Иволга знает своё ремесло...
Я ведь знаю, что птичка синичка
Зашитит меня синим крылом.

***

«Тёмные светы» написаны уже слабеющим пером. В стихах — вся его жизнь. Друзья собираются меня помянуть, А мне, невидимке, и любо взглянуть! Скрывать Лёше от нас нечего. Поэтому в ранних стихах:

Горите, флаги красные, горите!

Потом:

*Повсюду советская власть
Развесила красные флаги.*

И ещё:

Что мне делать? Я не верил в Бога.

Потом:

Ты веришь в Бога?

— Я пытаюсь верить...

И наконец:

*И печалюсь... И верую
Во Иисуса Христа.*

Вот о чём он пожалел на излёте жизни: «Не купил маме туфли... никогда не видел моря и не летал на самолёте...»

Я слышал, что перед смертью Лёша открыл глаза: «Маму видел и бабушку» — и улыбнулся.

*Собрать бы последние силы,
Склониться над белым листом
И так написать о России...*

***

«Сколько было поэтов прелестных
В восемнадцатом веке, в других —
В медных, каменных и железных
И бог знает ещё каких.

*Вы же сделали мне предпочтение,
Столь любезное для поэта,
Пригласили меня на чтение,
Вы бы знали, сколь
сладостно это...»*

Не желая нисколько успеха,
Только в звуке искал ответ
Середины двадцатого века
Неизвестный великий поэт.

Он читал стихи еле слышно,
Поклонился и был таков,
Потому что сказано свыше:
Впереди ещё много веков. **К**

*Серых глаз не свожу...
Журавли собирают пожитки.
Небо в трещинах, как потолок...
В «Чаше» уже начинается «Иная
речь» — в посвящении погившему брату:
Когда же я тебе о новостях
Поведаю не письменно, а устно?*

*Только сорные травы упрямо
Поднялись над могилкой родной.
И прошу я, как маленький: «Мама,
Приходи поскорее за мной».
Бродяга пытается обустроить не
жизнь свою, а смерть — предстоящее
путешествие в небеса.*

В «Заповеди» он по-крестьянски всё расписал: «Вот что сделать будет надо...»

*Я не знаю, как там меня встретят,
Но проводят меня хорошо.*

И всё-таки:

Я к смерти ещё не готов.

Это — разговор с Мандельштамом:

Мне бедная земля была как небеса.

У Осипа Эмильевича было:

Но люблю эту бедную землю...

Это постоянная решетовская тема — земля и небо:

На дымок от русской печки

Опирается оно...

Мой серый взор стремится в синеву...